ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ Це́рковь ВЫПУСК № 4 2007

Во время о́но...

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И ДОКУМЕНТАХ

Память праведнику с похвалами

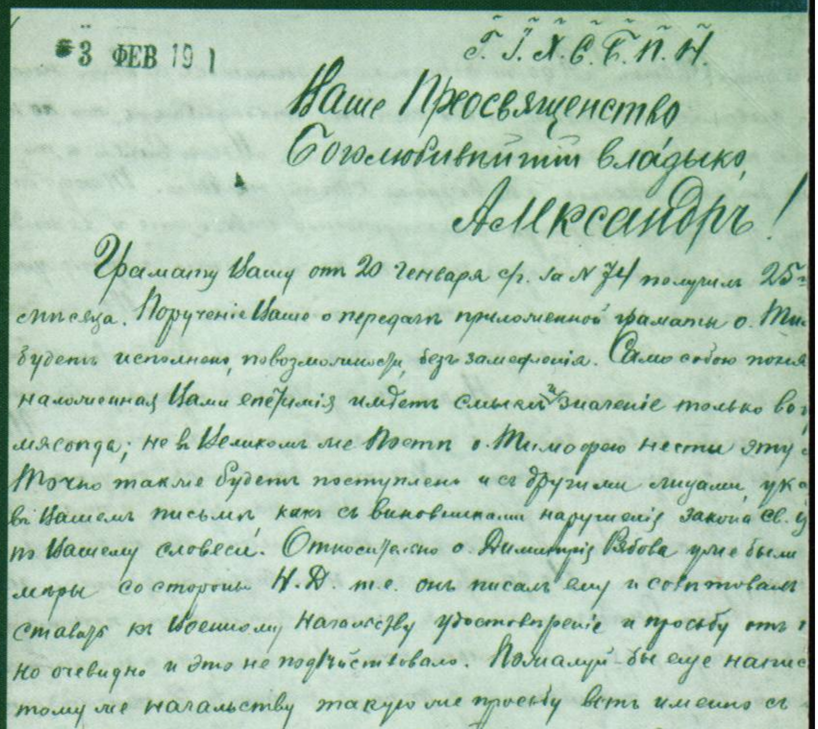
«Часовые смотрят постоянно и не дают даже молитвы производить без смущения...»

Совесть, искавшая правду на земле

«Мне хозяин — Бог, епископ и народ в его целом»

«Неужели вы думаете, что, если старообрядцы не имеют академий, они не смогут отстоять своих истин?»

«Благодарю Бога, что привел мне родиться в старообрядческой семье»


3 ФЕВ 191

Б. І. Х. С. Б. П. Н.

Ваше Преосвященство
Боголюбивейшiй владыко,
Александръ!

Грамату Вашу от 20 генваря с/г. за № 74 получил 25-

Журнал Церковь

Во время оно...

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И ДОКУМЕНТАХ

Приложение к журналу «Церковь»
при участии Информационно-издательского отдела Митрополии РПСЦ

Главный редактор
Александр Антонов

Подготовка текста, составление, комментарии
Виктор Боченков
viktor_v@pochtamt.ru

Художник
Ирина Болотина

Макет и верстка
Татьяна Курбатова

Корректор
Ульяна Бородина

Издательство журнала
«Церковь»

© При перепечатке ссылка обязательна.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Почтовый адрес редакции:
117218,
Москва, В-218, а/я 44.
Тел./факс:
251-56-44
251-06-12
332-10-54

В «Повести о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания» протопоп Аввакум наставляет: «Всякого добра добрейша суть книжное поучение: яко обретается живот вечный и радость оная бесконечная... Всякому христианину подобает в молитве и в трудех пребывати, и в книжном почитании, и в милости, и в любви нелицемерной, и в слове истинном, а не льстивом...»

Книга всегда была со старообрядцами. Как источник святоотеческого учения, как опора и помощь в духовном росте, как средство для защиты веры — того самого святоотеческого учения, что сложилось и пришло на Русь до Никона. Поэтому чисто старообрядческое слово «начетчик» происходит от глагола «читать», «начитаться».

Эта жажда чтения и знания была удивительной. Так, загоревшись жаждой духовного подвига и уйдя из отеческого дома, один из начетчиков, Василий Тимофеевич Зеленков, удалился в лес, вырыл пещеру, стал жить в ней, молиться и читать книги, взятые с собой. Спустя несколько месяцев, раскрыв его убежище, полиция арестовала Зеленкова, застав в пещере за чтением св. Писания...

Начетчики — это народные защитники веры. Они добывали знания самостоятельно, лишенные возможности обучаться в духовных академиях. Если требовалось, учили иностранные языки, греческий, например. Определение «начетчик» не совсем подходит для епископа Михаила (Семенова), Ивана Акимовича Кириллова — автора известных книг «Третий Рим», «Правда старой веры». У них было высшее образование. Владыка Михаил — скорее богослов , церковный историк, писатель, публицист. Иван Кириллов — публицист, мыслитель... Но дело не в словах. Явление начетничества огромно, многообразно, оно представляет собою целый пласт отечественной духовной культуры, и этот сборник документов открывает для изучения лишь небольшую часть этой культуры, лишь небольшую часть истории старообрядчества XIX–XX веков.

Александр Антонов

Письма протоиерея Димитрия Варакина епископу Александру и архиепископу Мелетию

Протоиерей Димитрий Сергеевич Варакин – знаменитый старообрядческий начетчик, труды которого не потеряли актуальности и сейчас. В 1900–1910 годах он объездил половину России, участвуя в диспутах с синодальными миссионерами и защищая св. Церковь. Он автор книг «Без воли епископа. Мог ли священноинок Иероним принять митрополита Амвросия от ереси», «Иероним священноинок, а не самозванец», «Исправление книг в XVII столетии при бывшем патриархе Никоне», «О седьминах пророка Даниила», «Об уклонении епископов в заблуждение», «Обзор вероучения странников-бегунов» и др. Недавно в издательстве «Церковь» вновь вышла книга Варакина «Рассмотрение примеров, приводимых в защиту реформ патриарха Никона».

В годы гражданской войны (1918–1920) Варакин был помощником епископа Александра (Богатенкова), местоблюстителя московского архиепископского престола, помогая ему в делах в эти трудные годы. В июне 1920 года был рукоположен им во священника к Георгиевскому храму города Егорьевска (ныне – Московская область), где председателем совета общины был редактор «Старообрядческой мысли» Никифор Зенин, впоследствии переведен в Рязань и в 1929 году, из-за конфликта, на другой приход. Для данной публикации мы старались отобрать те письма, в которых содержатся сведения о приходах Рязанской и Егорьевской епархии, о священнической деятельности о. Димитрия в 1920-е годы, о самых разных событиях в истории Церкви, как региональных, так и российского масштаба, с его оценкой. Подборка преследовала цель наиболее полно отразить деятельность протоиерея Димитрия Варакина в 1920-е годы. В нее не вошли письма, не содержащие исторически важной информации (например, связанные только с сугубо практической деятельностью любого священника: вопросы, требующие епископского разрешения и пр.), а также письма, не добавляющие ничего нового и значимого к сведениям, что уже изложены в письмах, включенных в подборку. Нужно заметить, что таких писем достаточно мало.

Большинство писем – автографы, некоторые написаны на машинке, что оговаривается отдельно в предисловии к каждому конкретному письму, и подписаны Варакиным собственноручно. Все письма хранятся в архиве митрополии РПСЦ.

К сожалению, судьба протоиерея Димитрия Варакина в 1930-е годы не прослеживается. Не так давно один из исследователей старообрядчества выявил в Интернете данные, что о. Димитрий был репрессирован и расстрелян в 1937 году,

однако, спустя некоторое время, вновь обнаружить их не удалось. Однако известно, что 29 декабря 1932 года арестованный епископ Иринарх (Парфенов) пояснил на допросе, что о. Димитрий Варакин умер в тюрьме (см. статью «Старый домишко у нас развалился…» // Старообрядецъ. – 2001. - №23. – С.7). Таким образом, факт ареста о. Димитрия подтверждается, но дата смерти и обстоятельства ее требуют уточнения.

1

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Боголюбивейший архипастырь и преосвященнейший владыко Александр!

Улучив свободную минутку, решил поделиться с Вами сими строками. Но только вперед прошу прощения, что пишу карандашом, а не чернилами, ибо таковых у меня почти и нет. На рынке продают – и дорого, и очень уж плохи.

Сим считаю долгом известить Вас, что я за молитвы Ваши и по милости Божией жив и здоров. Слава Богу! Того же желаю и Вам от всей души!

Я несколько дней тому назад писал о. Стефану[1], и в этом письме просил его передать мой земной поклон и Вам.

Мой переезд из Москвы в Егорьевск совершился хотя и не без труда, но настолько удобно и благополучно, что я и представить себе этого ранее не мог. Только крепкое и твердое упование мое на Господа Бога и Ваши св. молитвы были моими спутниками, благодаря которым я в такое тяжелое время удачно переправился. И не только удобно было переезжать, но даже, глядя на других, с комфортом. В отдельном, хотя и товарном вагоне ехали, и всю дорогу на стоянках мы находились под охраной вооруженной железнодорожной милиции, так как наш вагон стоял в средине других двух, тоже следовавших в Егорьевск с казенным грузом. Ехали мы долгонько, около четверых суток, но при удобстве и полном спокойствии, только казалось несколько скучновато, а то можно бы еще ехать.

По приезде в Егорьевск кому только ни приходилось отвечать на вопросы: «Как же вы доехали?» Все удивлялись, что мы ехали в особом вагоне и так спокойно. Нас считали прямо счастливыми. Слава Богу и за это! В Егорьевск мы приехали 28 июня рано утром (накануне Петрова дня), и тотчас же я отправился к Зенину с матушкой Екатериной. А вагон свой заперли своими замками до следующего дня, так как по воскресным дням грузы на станции не выдают. Получать пришлось уже на другой день. Немного оправившись по приезде, я сейчас же пошел к литургии и застал еще чтение апостола. Облачился и служил литургию, помогая о. Козьме[2], которому уже сообщили кто-то, что я с этим поездом приехал. Очевидно, кто-нибудь видел меня на вокзале.

(На этом месте меня прервали и потребовали крестить младенца).

На Петров день я уже служил службу самостоятельно, как чередной, и после литургии по просьбе Н.Д. Зенина на вокзал приехали три лошади и восемь человек солдат, и меня выгрузили из вагона, перевезли и поставили все имущество в уготованную мне квартиру. Так совершилось мое путешествие! Глубоко благодарен я Степану Меркуловичу Смирнову[3], ибо отдельный вагон я получил только благодаря его хлопотам через его приятелей. Расходы по переезду общество мне уплатило.

Теперь, владыко святыи, начинаю привыкать к пастве. Нередко меня требуют в окрестные деревни для совершения крестных ходов и просят живого слова, чем по возможности я и удовлетворяю. Вот уже три крестных хода я совершил, да и еще два имеются в виду. А требуют все меня лично. Я уже начинаю опасаться, как бы не зародилась зависть у моего сослужителя. Но думаю, что Бог милостив, мы с ним уживемся, если Бог грехам потерпит. Пока живем в мире и любви христианской. Да и когда нельзя жить, если сами будем к тому стремиться?[4]

В материальном отношении тоже вполне можно быть довольным и благодарить Господа Бога! В Русанцеве служим пока каждый праздник по очереди.

Владыко святыи! Тяжело было с Москвой расставаться, очень тяжело, но когда уже я сюда приехал и немножко поустроился, то и не каюсь, что уехал. Ведь, собственно, жаль было расставаться только с близкими сердцу людьми, да с московскими святынями, а то жалеть, пожалуй, и не о чем. Я здесь за Ваши молитвы живу куда хорошо! Слава Богу, тако изволившему! Одна забота: Господь милосердый простил бы мне мои великие согрешения!

Помолись, владыко святыи, о мне грешнем!

21-го июля я совершал в дер. Нечаевской около города крестный ход кругом деревни. На этом молебствии был Федор Грунин[5], бывший пономарь с кладбища, который говорил мне, что его просят в священники на Остоженку. Я с своей стороны, владыко святыи, осмеливаюсь посоветовать Вам дать ему хорошенький приходик где-нибудь в провинции. Он, кажется, славный малый и скромный по жизни; он служил бы хорошим примером своей жизни для своей паствы.

Матушка Екатерина земно Вам кланяется и просит Ваших святительских молитв и благословения, к чему присоединяюсь и я, грешный и недостойный иерей Димитрий Варакин.

22/VII (ст. ст.) 1920 г.

P.S. Желательно бы узнать подробности о торжестве рукоположения епископа Каллиста[6], и был ли кто другой епископ при этом, и вообще просил бы Вас, влад<ыко> святыи, известить о всем меня, грешного, о чем найдете нужным и полезным. Желаю Вам здравия и долгоденствия на пользу Церкви Христовой. Мой

искренний привет Якову Алексеевичу[7] с супругой и всем знаемым и близким о Христе.

Мой адрес: Егорьевск Ряз<анской> губ., угол Зарайской и Дровяной улиц, д. Силуянова, мне.

Примечания:

[1] о. Стефан Коновалов, духовный отец Димитрия Варакина. Служил на Рогожском кладбище в Москве, в Туле.

[2] о. Козьма Губанов – второй старообрядческий священник Егорьевска. Биографические сведения не выявлены. В 1922 году оставил служение.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Так построена фраза в тексте.

[5] О. Феодор Александрович Грунин родился 21 мая 1888 г. в деревне Устьяново Егорьевского уезда Московской губ. Рукоположен во священника епископом Донским Геннадием (Лакомкиным) Донским 28 декабря 1920 года к Никольскому храму хутора Горина станицы Пятиизбянской. В 1922 году переведен в с. Кельч-Острог (Московская губ.). В 1930-е гг. репрессирован. Из статьи В.А. Бахревского «Страстотерпцы Гуслицы»: «Слеза за слезой. Вот отец Федор (Грунин Федор Александрович). Осужден по статье 58-ой на десять лет. Могила ему - весь Дальневосточный край. Пел в Рогожском храме, служил в Ростове-на-Дону и в Астраханской области. С 1926 года вернулся в Гуслицу, в родную деревню Устьяново. Погубители русского крестьянства в коллективизацию обложили старообрядческого священника непомерным продналогом. А коль не дал, сколько велено, - ослушник. Арестовали, церковь закрыли, все, что было в доме, - имущество, мебель, одежду, - описали, забрали. Забрали дом. Семью выгнали под открытое небо. Подержали отца Федора в тюрьме всего неделю, пугнули. Рогожское старообрядческое начальство нашло ему место в Воскресенском районе, в деревне Осташово... Люди из сельсовета предупредили батюшку:

- Коли хочешь жить на свободе, бросай службу!.

На это отец Федор ответил:

- Будь что будет, Христос терпел, и нам велел». (Информационный сайт г. Орехово-Зуево, http://www.zuevo.ru/history/oldpatients.html).

[6] Епископ Каллист (Кирил Макаров) был хиротонисан во епископа в 1920 году на Владимирскую и Иваново-Вознесенскую епархию, учрежденную тогда же, чтобы в смутные годы гражданской войны, по словам епископа Александра (Богатенкова), «иметь на всякий случай епископа вблизи Москвы». В годы гражданской войны в центральной России остались только два епископа, Александр и Геронтий (Лакомкин), другие либо оказались за границей (епископы Иннокентий и Иосиф), либо скрывались (архиепископ Мелетий), либо не имели возможности переписываться с Москвой. Епископ Каллист скончался 4 (17) декабря 1931 года.

[7] Яков Алексеевич Богатенков – сын епископа Александра, знаток старообрядческого церковного пения. Окончил Строгановское училище по классу живописи. После 1918 года участвовал в реставрационных работах в соборах Московского Кремля. Трижды подвергался арестам: в 1919, 1924 и 1941 годах. Скончался в тюремной больнице в Саратове.

2

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, преосвященнейший владыко Александр!

Пользуюсь случаем написать Вам несколько строк. Почтой письма идут очень долго, так я посылаю с людьми, поехавшими в Москву, которых и прошу или опустить это письмо в ящик в Москве, или же доставить каким-либо иным способом, но только поскорее.

Я до этого еще письмо Вам послал почтой, адресовав его на о. Стефана Коновалова, для передачи Вам, ибо, к сожалению, не знаю точного адреса квартиры, где Вы пребываете; знаю только название переулка, а №№ дома и квартиры не знаю. Полагаю, что это письмо уже Вы получили.

Письмо Ваше с поручением проверить на месте жалобу на о. Назария[1] получил, но еще не исполнил. Молимся сорокоуст. Один из нас служит обедни, а другой дежурит для исполнения треб. А до Кладькова целых 10 верст. Идти пешком - это будет туда и обратно 20 верст. Одним днем не оборотишься. Да и вообще, теперь пешее хождение для обуви не совсем современно. На счет лошадки говорил им, не совсем-то они охотятся на это. Делать нечего, видно, придется после Успения Пресв. Богородицы «стопы своя направить по словеси твоему». Не знаю только, что из этого толку выйдет. Кого ни спрошу, все говорят, что о. Назарий человек тяжелый. Как бы еще не наткнуться на неприятность. Впрочем, мое дело только опросить и записать показания, а там уже дело епископа. Постараюсь исполнить Ваше поручение, только уж простите, что не так скоро, как бы надо.

Мы с своим сослуживцем и собратом о. Козьмой пока живем по-хорошему, слава Богу! Чего желаю от души и впредь.

Из сельца Богородского о. Евфимий[2] уехал 7-го августа после Преображения, а на 9-е, в воскресенье, приглашали туда служить меня, грешного, и я служил там, «и пребысть у них три дня». Все общество в воскресенье настоятельно просили меня к себе на свободное место, но, разумеется, я их просьбу отклонил по той простой причине, что я еще и в Егорьевске не огляделся, как следует. Поэтому я считаю даже просто неудобным, неприличным, помимо уже канонических формальностей, давать свое согласие на перемену прихода, хотя там, по-видимому, и лучше было бы для меня в житейском отношении. Да пока еще и здесь, слава Богу, жить можно. Картофелем будем обеспечены на весь год. Да и «насущного» тоже соберем по милости Божией и добрых людей. Хлебец-то здесь все-таки уродился, а теперь вот помолились, и дождички Бог посылает. Я все-таки, слава Богу, здесь по Вашим молитвам и милости Божией пользуюсь очень хорошим расположением окрестных христиан. На Успение моя череда служить в

Егорьевске, а о. Козьма едет в д. Соколовскую. Приглашали и в Акатово, но приглашение это запоздало. На Преображение я служил в Огрызкове, а о. Козьма дома, в Егорьевске. Делов хватает обоим. Да и милость Божия не оскудевает. Даже о. Козьма с своей «матерью» говорят, что мое поступление для них принесло не убыток, а пользу. Надо уметь жить с народом, и тогда будет жить можно, а жить с народом постараемся по-хорошему. В народе вера не оскудевает и не оскудеет, если пастыри будут жить с ним поплотнее.

О. Стефан мне пишет, что Вы не совсем здоровы. Очень печально. Да поможет и укрепит Ваше здоровье Господь Бог! Матушка Екатерина земно кланяется и просит Вашего архипаст<ырского> прощения и благослов<ения>, и св. молитв, к этому присоединяюсь и я, многогрешный иерей Димитрий Варакин.

13 августа по стар<ому> стилю 1920 г.

Примечания:

[1] о. Назарий Николаевич Гусев служил в деревне Кладьково Егорьевского благочиния. По поводу жалобы на него о. Димитрий Варакин сообщал епископу Александру: «Некоторые обвинения должны быть поставлены о. Назарию не в вину, а в заслугу». Другие обвинения он счел несерьезными.

[2] о. Евфимий Бобков служил в сельце Богородском временно. Он родился в селе Прудки Меленковского уезда Владимирской губ. 1 апреля 1862 года. В 1908 году в день памяти свв. апостолов Петра и Павла был рукоположен архиепископом Московским и всея Руси Иоанном в сан священника на приход родного села Прудки.

3

Епископу Александру

На этом недатированном письме имеется штамп, что получено оно было епископом Александром 3 февраля 1921 года.

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший владыко Александр!

Грамоту Вашу от 20 генваря с/г за №74 получил 25-го того же месяца. Поручение Ваше о передаче приложенной грамоты о. Тимофею[1] будет исполнено по возможности без замедления. Само собою понятно, что наложенная Вами епитимия имеет смысл и значение только во время мясоеда; не в Великом же посте о. Тимофею нести эту епитимию. Точно так же будет поступлено и с другими лицами, указанными в Вашем письме, как с виновниками нарушения закона св. Церкви, по Вашему словеси. Относительно о. Димитрия Рябова[2] уже были приняты

меры со стороны Н.Д.[3], т.е. он писал ему и советовал представить к военному начальству удостоверение и просьбу от прихода, но, очевидно, и это не подействовало. Пожалуй бы, еще написать тому же начальству такую же просьбу вот именно с тою мотивировкой, что наше духовенство и прежде было утесняемо всякими способами, и теперь, когда оно вправе было ожидать себе от «народной власти», по крайней мере, если не милости, то сочувствия, тоже не видит облегчения от угнетений и страданий. У нас, в Егорьевске, на этот счет пока хорошо. Ведь если бы о. Козьма был в том же уезде, где и о. Димитрий, тоже служил бы, а теперь живет спокойно. Точно так же не тревожат и духовенство бывш<ей> господств<ующей> церкви. А вот о. диакон Петр Михеев[4] из Дулева тоже служит, кажется, в г. Владимире. Во всяком случае, я еще поговорю с Н.Д., и попытаем что-нибудь.

Владыко святыи! Я давно собирался поделиться с Вами несколькими словами и мыслями, но все как-то откладывалось, то по недосугу, а то еще по каким-либо причинам. Много влияло и то, что днем писать некогда, а по вечерам свету не было. Теперь же, слава Богу, у меня в квартире электрическое освещение, и я имею возможность уделять вечерние часы на чтение книг и другие умственные работы, как равно и на написание писем. Много занимаюсь подготовкою материала для праздничных внебогослужебных собеседований с паствою. Нужно бы еще больше тратить на это время, но часто бываю занят церковною службою и требами. Иногда даже бывает просто досадно. Хочется заняться, обдумать какую-нибудь тему, подобрать для нее материал, а тут то крестины, то похороны, то свадьбы, то молебен, то панихиды или церковная служба... Но делать нечего, надо, видно, трудиться, нести крест. Наши внебогослужебные чтения стали очень популярными, и на них ходят не только наши христиане, но и никониане, и баптисты, с последними я решил вступить в полемические состязания и с будущего воскресенья начну в нашем же храме. Вот сию минуту, только начал писать это письмо, уже приходили с похоронами и со свадьбою, да и служба церковная заказана. Оно, разумеется, мы этим кормимся, но все-таки бывает иногда досадно… Как я уже сказал, наши чтения стали очень популярными и производят очень благоприятное впечатление главным образом на паству. Но враг исконный – диавол, видя успех доброго дела, начал строить свои козни. 21-го декабря старого стиля мы трое (Н.Д., я и о. Козьма) были во время чтения арестованы и отправлены в «Политбюро». Дело было так: читали в этот день Н.Д. и о. Козьма (я в этот день не читал). О. Козьма читал на тему «Объяснение литургии», а потом Н.Д. на тему «Почему мы христиане». И только кончили чтение, пропели «Достойно», я сказал слушателям несколько назидательных слов, и публика стала расходиться. В этот момент подходит к нам один агент (по-прежнему – сыщик), который, оказалось, был

все время на чтении, и предъявил требование: показать ему разрешение на устройство собраний. Ему было отвечено, что у нас никакого разрешения не имеется и мы не находим нужным его и иметь, так как, во-первых, чтения внебогослужебные ведутся у нас уже не первый год, а во-вторых, согласно советской конституции всем гражданам республики предоставляется полная свобода пропаганды своей веры, которую мы на этих чтениях и ведем. Несмотря на это, нас все же «повели». Но наши христиане подняли суматоху и самым категорическим образом запротестовали против такого образа действий «охранки». Они, видя, что тут может произойти неприятность, нас как будто оставили в покое, и мы с о. Козьмою пошли на квартиры, а также и Н.Д. пошел домой, и за ним пошла группа народу. Оказалось, что Н.Д. вернули с дороги и отправили в «Политбюро», но мы, священники, ничего не зная об этом, разошлись по домам. Но и наша свобода оказалась краткосрочной (я уже все-таки чувствовал, что буду арестован), и в 10 часов вечера нас с о. Козьмой арестовали на квартирах и «повели» с конвойным милиционером. Я почему-то не струсил, а о. Козьма был страшно испуган, и я его все уговаривал дорогой не волноваться. Тем более, что от конвойного мы узнали, что Н.Д. уже освобожден. Вот и «приведоша нас на место лифостротон[5]». Приняли нас там очень деликатно, не сделали нам никакого зла, а только задали несколько вопросов относительно наших чтений. Объясняться большею частию пришлось мне. И я таки изрядно с ними поговорил на тему о социализме и коммунизме, а потом и об отношении христианства к власти. Мои слова на них произвели хорошее впечатление, и они стали с нами обращаться уже просто «по-товарищески», а потом и отпустили с миром, причем сказали, что мы и впредь можем беспрепятственно и без всякого разрешения продолжать наши чтения. Только просили нас в своих проповедях поддерживать Советскую власть. На это я им ответил, что мы, христианские священнослужители, считаем для себя совершенно невозможным говорить в храме Божием политических проповедей, ибо церковный амвон существует, между прочим, только для проповедания пастве закона Божия и веры христианской. Старообрядческие священнослужители чужды всякой политики, но власти повиноваться мы считаем необходимым во всем, что не противно Богу. Это с одной стороны. А с другой стороны, такою просьбою, чтобы священники, которых коммунистическая партия, стоящая у власти, не признает за подлинных граждан республики, защищали Советскую власть, они, «товарищи», сами дискредитируют Советскую власть. Какая же это будет власть, которая нуждается в поддержке попов, которых она и не признает. И такое мое объяснение на них подействовало, и они больше не настаивали на этом. И этим и кончился весь <1 нрзб>. И мы пошли домой, славя Бога, «не попустившего нам искуситися паче, еже могли понести». Что Бог ни строит - все к лучшему!

На чтении они придрались к некоторым словам Н.Д. о еврейской религии. Правда, Н.Д. сказал так, что очень свободно можно было понять, что это против власти, но при объяснении легко можно было отстранить всякое подозрение в этом. У него все-таки был обыск, но ничего предосудительного найдено не было. Обыск был, очевидно, сделан только для формы. Почти и не искали ничего. Взяли книжонок пять-шесть неважных, и тем дело кончилось. Эти книжки принесли в «Политбюро» при нас, и я видел на одной из них надпись «Церковная история» Сократа[6], изд. Лукина. Вот и вся эта незатейливая история. С Ф.Е. Шалаевым[7] мы переписываемся регулярно чрез 1 ½ месяца. Много интересного он сообщает и о себе, своей жизни, и вообще о жизни церковной. Он же сообщил нам о рукоположении двух сибирск<их> епископов[8]. Мне прислал свои сибирские творения, преинтересные!

Очень жаль владыку Кирила![9] Бессарабское, должно быть, произвело свое действие.

На калужский епархиальный съезд приглашался и я, но, к сожалению, не мог никак поехать. Уж очень езда-то теперь трудная. Что там обсуждали и к каким результатам пришли? Нельзя ли Вам повлиять на Мих<аила> Ив<ановича> Бр<иллиантова>[10], чтобы он оставил свою женитьбу на девице Балыковой, а женился бы на Калужской епархии, это самая подходящая для него невеста. Ведь уж ему, кажется, больше 60-ти. Действительно, «чудак»! У нас все хлопочут о диаконе. 10-го генваря было общее собрание, и на Волкова было подано 42 записки, и 10 записок получил Максим Семеныч Юдин[11], родной брат покойного о. Григория Юдина, наш уставщик. Я бы эту вторую кандидатуру поддержал. Мне кажется, что он будет подходящ. Но этими выборами многие остались недовольны (много против Волкова), и 21 февраля назначено 2-е общее собрание специально о выборе диакона. Можно думать, что Юдин получит большинство. А впрочем, Бог весть!

Я к своей пастве как будто привык. И очень доволен ею. А также и паства ко мне относится очень хорошо. Дров не покупаю. Хлеб почти тоже пока не покупаю. Купил очень немного. Остальными продуктами деревня не забывает. Можно сказать, питаемся, как и прежде в добрые времена. Слава Богу! Матушка у меня тоже понемножку двигается. Квартирка холодновата, но терпеть можно. Зима уже на склоне. С о. Козьмой я живу хорошо. Хотелось бы кое о чем с Вами поговорить лично. Не знаю, когда Бог приведет свидеться. Есть кое-что в нем (о. Козьме) не совсем священническое. Как-нибудь надо бы с ним мне поговорить «по-братски». Да опасаюсь, как бы не досадить ему. Бог с ним! Маловато благоговения в службе. Замечается небрежность, шаблонность. Но, влад<ыко> святыи, это я пишу Вам не в донос и не в жалобу, а так просто за откровенность.

Як<ову> Алекс<еевичу> с супругой наш искренний привет. Не пишут ли что из Обшаровки? Нам ничего не пишут.

Я и матушка земно кланяемся, просим архипаст<ырского> прощения, благословения и св. молитв о нас, грешных. Желаем Вам здравия и долгоденствия на многая лета.

Ваш покорный слуга, многогрешный и недостойный иерей Димитрий Варакин.

Примечания

[1] Неустановленное лицо.

[2] о. Димитрий Ермолаевич Рябов родился в 1879 году в деревне Панкратовской Богородского уезда Московской губ. Рукоположен во священника епископом Александром в 1909 году к храму Владимирской Божией Матери, что в деревне Осташево.

[3] Н.Д. (или Н.Д.З. в других письмах) – Никифор Дмитриевич Зенин.

[4] Диакон Петр Семенович Михеев родился 9 мая 1889 г.в крестьянской семье в деревне Рытово Гороховецкого уезда Владимирской губ. В сан диакона рукоположен 21 декабря 1913 г., во священника – 12 декабря 1921 г. епископом Александром. О. Димитрий Варакин был его духовным отцом.

[5] Каменный помост, на котором находился Понтий Пилат во время судилища над Христом (Ин. 19,13).

[6] У Н.Д. Зенина отобрали книгу писателя V века Сократа Схоластика «Церковная история».

[7] Шалаев – псевдоним Ф.Е. Мельникова.

[8] Имеются в виду епископы Иоанникий (Иванов) и Тихон (Сухов). Об обстоятельствах их хиротонии см. письма епископа Амфилохия (Журавлева) в сборнике «Во время оно…» за 2005 год, №2.

[9] Епископ Кирил Одесский и Балтский. Родился в деревне Мисцево Богородского уезда Московской губернии. Рукоположен противоокружническими епископами Пафнутием, Михаилом и Петром. Примирился с Рогожской архиепископией в 1906 году. Последние годы жил в г. Орехово (Орехово-Зуево), в 1923 году принял схиму, скончался в 1927 году.

[10] Михаил Иванович Бриллиантов – старообрядческий деятель и начетчик. В начале 1920-х гг. выдвигался кандидатом в епископы. В письме идет речь о вдовствующей после смерти епископа Павла (Силаева) Калужско-Смоленской епархии. Предлагавшееся епископство М.И. Бриллиантов не принял.

[11] Биографические сведения о Максиме Юдине не выявлены. В сан диакона был рукоположен епископом Александром упоминаемый в письме житель Егорьевска Михаил Петрович Волков. О. Козьма Губанов подтвердил, что он достоин сана.

4

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший владыко Александр!

Недавно я Вам послал письмо, а теперь пишу второе, в котором хочу поделиться с Вами о том, что я слышал. Некто Тимофей Чиркунов из д. Устьяново 4 сего февраля, когда я отпевал покойника в д. Пантелеевской, подошел ко мне на улице и говорит: «Вам поклон». Я спрашиваю: «Откуда?» Он говорит: «С Дону». – «От кого?» – «От владыки Мелетия и от о. Прокопия»[1]. Меня просто поразило такое неожиданное для меня явление. Оказывается, что этот Чиркунов родственник Поликарпу Саввичу[2], и вот он ездил на Дон, был и у влад<ыки> Мелетия. Это дело было в октябре. По его словам, влад<ыка> Мелетий с о. Прокоп<ием> живут в монастыре у Гурова хутора, и живут преспокойно и хорошо. А о. Прокопий даже все молодеет. «Там у них, - говорит Чиркунов, - все спокойно, и никто их не обижает». Если все это так, то, разумеется, молчание влад<ыки> Мелетия положительно преступно. Люди ездят туда, бывают у него, и он не напишет с ними (если по почте опасается) никакой «черточки», как говорите Вы. Надо полагать, что он не думает уже о Московской архиепископии и совершенно позабыл о своей пастве[3]. Да и есть когда думать о делах, коли от жизни их даже «старики молодеют»… Еще как бы не женились, как и Мих. Ив. Брилл[4]… О последнем мне о. Стефан пишет, что от кандидатуры во епископы отказался и на днях уже состоится свадьба. Поистине, «яко же во дни Ноевы»…

Читали ли Вы декрет об отборе всех ценностей, как художественных, так и антикварных[5]… Пожалуй, с Рогожского кладбища кое-что уплывет… Ну и времена переживаем! Очевидно, дело идет к полному обнищанию матушки Руси…

Что же будет дальше? Мы здесь живем точно на другой планете и почти ничего не знаем, что творится на свете. Не слышно ли что у Вас в Москве? Какие результаты калужского съезда?[6] Очень жаль, что мне не пришлось съездить туда. Хочется побывать и в Москве, и не знаю, как время выбрать. Да и езда-то очень уж плохая. И чем дальше, тем все хуже… Идем, очевидно, к первобытному состоянию.

Простите, влад<ыко> свят<ыи>, что Вас беспокою письмом. У Вас, вероятно, и без того делов много.

Желаю Вам здравия и спасения. Прошу архипастыр<ского> мира и благословения, и св. молитв.

Грешный иерей Димитрий Варакин.

P.S. Якову Алекс<еевичу> с супругой - привет. Матушка моя до земли Вам кланяется и просит мира и благословения.

4/II ст. ст. 1921.

Примечания:

[1] Биографические сведения не выявлены.

[2] Неустановленное лицо.

[3] В Москву приходили противоречивые сведения об архиепископе Мелетии, который жил на Дону. Вот что писал епископу Александру епископ Феодосий Кавказский: «Об архиепископе мы получили сведения, что его жизнь плохая, часто терпит узы, отъехать ему нельзя нигде, да и сейчас, кажется, в узах. Быть может, Господь наказывает его за оставление своего поста без время». Это сообщение прямо противоречит тому, что пишет в этом письме о. Димитрий Варакин.

[4] М.И. Бриллиантов. См прим. 10 к письму 3.

[5] Имеется в виду постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей, опубликованное 26 февраля 1922 года в дополнение к декрету от 2 января того же года об изъятии музейного имущества. Предлогом к изъятию ценностей послужил голод. В действительности, оказавшись на грани финансовой катастрофы, Советская власть искала источники пополнения бюджета. Церковное движение, нацеленное на помощь голодающим, только мешало власти. Сопротивление верующих подавлялось силой. В марте подвергся аресту патриарх Тихон. Именно по поводу изъятия церковных ценностей В.И. Ленин написал в письме В.М. Молотову известные слова: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы» (Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – С. 89)..

[6] Епархиальный съезд Калужско-Смоленской епархии должен был определиться с кандидатурой нового епископа.

5

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Боголюбивейший архипастырь и преосвященнейший владыко Александр!

Только что получил письмо от Н.Д.З., в котором Вы сообщаете, что некоторые благочин<ные> Самарск<ой> епарх<ии> указывают на кандидата во еписк<опы> о. Мих<аила> Каюрова[1], и спрашиваете, какого я о нем мнения. Я хотя и знаю его, но не так много, чтобы можно было сказать о нем что-либо определенное. Однако, по некоторым моим соображениям, основанным на собственных впечатлениях от моих с ним свиданий и бесед об нем с другими лицами в бытность мою на Черемш<ане>, я скажу, что лучше бы, если бы об нем, как о кандидате в епископы,

не говорили. Но это мое собственное мнение, и возможно, что оно ошибочно, а тем более, если я убежден, что я-то сам «грешнее паче всех человек». Во всяком случае, вл<адыко> св<ятыи>, я боюсь, чтобы не погрешить пред Богом за такой мой, может быть, ошибочный о нем отзыв. Пусть будет в данном случае решающим голосом голос архипастырей и народа, пред которым я преклоняюсь.

А вот относительно диакона к нам нужно мне с Вами побеседовать. Простите, вл<адыко> св<ятыи>, я и о. Козьма опасаемся Волкова, ибо, насколько узнали его характер, нам будет очень тяжело с ним служить. Мы между собой все-таки живем в общем хорошо. Дай Бог другим так жить. Ведь если когда что и бывало, и может быть, то мы как-то умеем быстро ликвидировать трения. А в последнее время так прямо-таки живем дружно. А когда будет диаконом Мих. Волков, то мы очень опасаемся, что заведутся неприятности. Понятно, что если бы мы его не знали, то дело другое. Кто знает, другой кандидат может в этом случае оказаться худшим. Но когда уже знаешь человека, то лучше избавиться. Повторяю, что и о. Козьма согласен со мной, почему он и подписывает это письмо вместе со мной.

Не так давно у меня была супруга Ивана Григорьевича Кольцова[2], которого Вы тоже знаете, то с ней я поговорил о том, не согласится ли он к нам в диакона. Его кандидатура уже давно, кажется, выставлялась, и только почему-то он сам не соглашается. А к нам, может быть, и согласится, так как и родина его жены от Егорьевска только в 10-ти верстах. Она хотела с ним поговорить и меня уведомить. А сегодня Мануйлов[3] меня просил написать ему письмо с предложением. Кроме того, еще найдется в виду один кандидат в д. Заполицах, на которого указывает о. Трифилий петрушинский[4], и мы дело это двинули вперед. Не знаем, чем оно кончится. А против Мих. Волк<ова> у нас много прихожан, даже так заявляют, «что мы тогда и в храм ходить не будем». И это говорят видные люди. Меня удивляет, почему З<енин> так хочет его втащить? Даже это уже кажется нам подозрительным. Вл<адыко> св<ятыи>, ради Бога просим это соблюдать в секрете, т.е. эту нашу к Вам просьбу о Волкове, и отклонить это дело, не указывая на нас. У Вас для этого имеются другие мотивы. Разумеется, если бы Волков был другого склада и характера человек, то Бог с ним, пусть бы и он был с нами. Диакон нам нужен. Мы против диакона ничего не имеем. О. Козьма вам пишет относительно поступка о. Иакова устьяновского[5], то я подтверждаю, но только также просим не указывать, что мы об этом Вам донесли. А делу этому дать ход не мешает, чтобы другие не указывали на это. Конечно, о. Иакова строго наказывать не нужно. Мы его прощаем за это, но разобрать дело следовало бы. А то ведь скажут другие: вот о. Иакову за это ничего не было, и мне ничего не будет…

Вопрос о моей квартире стоит на точке замерзания, как и самому мне, очевидно, придется быть этой зимой еще раз. Этот вопрос очень для меня

серьезный, я не знаю, как буду и переживать эту зиму. Прошлый год хоть дров было обильно, а ныне и этот плюс превратится, пожалуй, в «флюс» и минус. На дрова рассчитывать трудно. Даже и храм не обеспечен топливом. Что мне с этим делать? Зовут и просят меня в Акатово; там есть и дом, и топливо, и будет корм, хотя последний и здесь в хорошем состоянии. Но боюсь только одного, как бы там не закиснуть и не зарастить себя ничегонеделанием. Да и вообще, менять приходы священнику как-то некрасиво, хотя бы и по такой причине, как квартирный вопрос. Но и жить предстоит зиму тяжко и жутко, ибо это уже испытано прошлой зимой. А наш совет, как видно, мало об этом заботится. А председатель так прямо заявил на мои слова, что «может быть, я найду квартиру где-нибудь там, где это будет вовсе нежелательно для прихода». – «Ну что же, я лично против этого ничего не имею», - вот слова председателя. Так что из этого видно, что лично он вовсе и не гонится за тем, чтобы меня удержать в Егорьевске. Понятно, это его личное мнение. Но оно довольно характерно. Так вот, вл<адыко> св<ятыи>, как обстоит дело. Я уже теперь и не знаю, что и делать. А зима близко. Может быть, Вы мне дадите какой-либо совет. А нашему совету, вл<адыко> св<ятыи>, не пишите, пожалуйста, ничего об этом, Бог с ними. Я ведь служу Богу да народу, а вовсе не совету. Я с ними стараюсь жить тоже мирно, но на их тенденцию «взять в руки священников и распоряжаться ими» я отвечаю холодным молчанием и не обращаю никакого внимания. Мне хозяин Бог, епископ и народ в его целом. А последний для меня весьма хорош. Да и Бог хранит и милует. А епископ тоже, надеюсь, не обидит. Ради Бога не пишите ничего совету об этом, Бог с ним! Мне не хочется обострять отношений.

Прошу Вашего архипаст<ырского> мира, прощения и благословения, и св. молитв.

Многогрешный иерей Димитрий Варакин.

31/VII ст. ст. 1921.

Где вл. Иннокентий? И жив ли он?

А еписк<оп> Кирил жив ли? Анатолия[6] из Черкасс как будто пишет, что он помер. Очень уж плохо она пишет.

Матушка Екатерина земно Вам кланяется. Мой привет Як<ову> Алекс<еевичу> с супругой.

Относительно смерти еп. Климента[7] я получил известие из Николаевска от о. диакона Иакова Кожакина. Затем я получил от Амфилохия Уральск<ого>[8] из Сибири письмо, в котором он просит убедительно прекратить всякую переписку с Ф.[9] Того требует время. А также просит сообщить и другим лицам, кто переписывался. Что я и исполняю, сообщая Вам.

А на Самарскую епархию нельзя ли священноинока Арсения[10], который жил у вл. Антония Пермского[11]. Если он жив. Он бывал и на соборах вместо вл. Антония.

Примечания

[1] Протоиерей Михаил Каюров родился в 1856 году. Симбирский мещанин. Рукоположен во священника в 1886 году епископом Алексием Самарским в село Караинское Симбирской губернии. В 1905 году стал служить в поселке Мелекес Самарской губернии. С 1907 года – на Черемшане. В 1930 году принял иночество с именем Макарий.

[2] Биографические сведения не выявлены.

[3] И.П. Мануйлов – член совета егорьевской старообрядческой общины.

[4] Биографические сведения не выявлены.

[5] о. Иаков Баранов родился в семье крестьян села Глазово Серпуховского уезда Московской губернии в 1880 году. Рукоположен архиепископом Иоанном Московским и всея Руси в 1913 году к Никольскому храму села Устьяново.

[6] По всей видимости, одна из инокинь черкасского Покровского монастыря. Биографические сведения не выявлены. В исследовании С. Таранца «Старообрядчество города Киева и Киевской губернии» (Киев, 2004. – С.216) упоминается черкасская инокиня-схимница Анатолия, одна из черкасских инокинь, доживших до 1960-х гг. Быть может, это одно и то же лицо?

[7] Епископ Климент был хиротонисан зимой 1921 года (январь или февраль) во епископа Самарско-Симбирского и Уфимского. Однако в конце июня того же 1921 года он скончался на квартире о. Харитона Глинкина из Балакова. «Началось его служение у нас очень хорошо, с каждым днем он заставлял все больше себя любить. Поторжествовали храмовой праздник Св. Троицы, встречали и чествовали его, была хиротония священника, в Неделю Всех Святых тоже хиротон<ия> в священ<ника>. В субботу были похороны матушки о. Михаила, были на обеде, хорошо служили всенощн<ную> и утром собирался на обедню, но начало ему после 5 час. утра нездоровиться. Слабило желудок. После обедни было назначено общее собрание, но в конце обедни о. Харитон приходит и говорит, что болезнь в полном разгаре; все, какие могли, были приняты меры, но бесполезно, в 2 ч. исправился и в 3 тихо скончался. В нашем приходе этой болезнью только 3-й случай, но он увлек в могилу и нашего дорого владыку, так много показавшего надежды в своей широкой деятельности», - писал о. Иоанн Гришенков епископу Александру (Богатенкову). «Человек был в высшей степени доброй души, умело совершал богослужение, деятельный и прекрасно говорил проповеди», - отзывался о владыке о. Харитон Глинкин.

[8] Епископ Амфилохий (Афанасий Семенович Журавлев; 1873–1937), Уральский и Оренбургский, до своего рукоположения был игуменом Ново-Архангельского скита, располагавшегося в 200 километрах от Томска. Хиротонисан в 1916 году в Томске епископами Антонием (Паромовым), Иосифом (Антипиным), Иоасафом (Журавлевым). Некоторое время в первой половине 1920-х годов, после смерти епископов Антония и Иоасафа управлял всеми епархиями Сибири. В 1920 году единолично поставил епископа Иоанникия Пермско-Тобольского и вскоре в сослужении с ним – епископа Тихона Томско-Алтайского. В мае 1922 года Освященный Собор поручил владыке Амфилохию во временное управление Омско-Тюменскую епархию. Однако 13 июня епископ Амфилохий был арестован по делу об изготовлении антисоветских листовок в Ново-Архангельском скиту и, сменив более десяти тюрем, в 1923 году в Томске приговорен к расстрелу. Впоследствии по ходатайству общины приговор заменили на пять лет заключения. После

заключения, в августе 1926 года, влыдака вернулся к себе в обитель, жил уединенно близ Ново-Архангельского скита, обустраивая келью на острове, где ранее скрывался от безбожников его друг, начетчик Федор Мельников. Однако вскоре принял временное управление Иркутско-Амурской епархией, до хиротонии епископа Афанасия (Федотова). 6 мая 1929 года владыка вновь удалился в Ново-Архангельский скит, но ровно через год скончался епископ Иоанникий Пермско-Тобольский, и владыке Амфилохию пришлось вновь взять во временное управление его епархию. В 1933 году епископ Амфилохий был арестован и осужден на 10 лет с заменой срока заключения на ссылку на тот же срок в Нарымский край. Расстрелян в 1937 году в городе Тара.

[9] Ф.Е. Мельников участвовал в изготовлении антисоветских листовок в Ново-Архангельском скиту, однако не подвергался суду, так как не был схвачен, и смертный приговор ему не выносили. О вынесении ему смертного приговора заочно Ф.Е. Мельников знал, вероятно, с чьих-то слов и, возможно, не сомневался в этом до конца жизни. Впрочем, если бы он был арестован на территории России по делу о листовках, то нельзя исключить смертного приговора.

[10] Впоследствии - епископ Минусинский, Урянхайский (т.е. Тувинский) и Семипалатинский (в миру - Антоний Романович Давыдов; 1873 – 3 октября 1937). Родился в селе Гагарьевское Ишимского уезда Тобольской губ. С 1901 по 1906 год служил рядовым в царской армии, затем принял иночество. После ликвидации Шамарского монастыря служил в деревне Пешнево Ишимского уезда. Хиротонисан во епископы в 1923 году. В 1933-м арестован оперсектором ОГПУ Минусинска и сослан в Нарым (село Ново-Ильинка) на 5 лет (ст. 58-10, 11). Обвинялся в активном участии в Ишимском восстании в 1920–1921 гг. В другом месте дела написано, что «...сам участия в расстрелах не принимал, а приговоренных к расстрелу перед расстрелом благословлял». На момент последнего ареста проживал в г. Колпашево. Был повторно арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1961 г.

[11] До революции епископ Антоний жил в Шамарском мужском монастыре. Вот что писал в 1918 году журнал «Голос Церкви» о разгроме Шамарских монастырей: «В силу декрета об отделении церкви от государства в наши обители, Вознесенскую и Успенскую, находящиеся близ станции Шамары Пермской губ. Кунгурского уезда, последовало распоряжение от городского комитета: сдать все церковное имущество земельному отделу уездного совета. Комитет отобрал не только землю и постройки монастырские, но и весь живой инвентарь. Вследствие этого разгрома монастырская братия, а наипаче сестры (женского монастыря) поднялись бежать отсюда в пределы Сибирские, в непроходимую тайгу» (Голос Церкви. 1918. - №5. С.269).

6

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший владыко Александр!

Ваше письмо от 31/VII получил в понедельник 9/VIII. В оном Вы сообщаете о крупных событиях, совершающихся в мире беглопоповцев. Еп<ископа> Тихона[1] я

знаю хорошо лично по беседам моим в Николаевске Самар<ской> губ., на которых он присутствовал, а следовательно, и он знает меня. На переход его к беглопоповцам, если таковому суждено будет совершиться, я лично смотрю как на авантюру иерархов русской церкви, и, понятно, из этого толку никакого быть не может. Много только будет шуму. Я никак не могу допустить той мысли, что Тихон переходит к ним по убеждению, а это просто, повторяю, авантюра, плохо даже прикрытая «образом благочестия». Ведь Тихон уже второй раз меняет свой цвет. Один раз он перекрасился в единоверца, а теперь хочет возглавить беглопоповцев. Значит, он из единоверия ушел. Вот Вам и доказательство его неискренности. А «братский совет» п<атриарха> Тихона разве не ясное доказательство наличности здесь авантюры. Кто может признать здесь поступок п<атриарха> Тихона здравомысленным, если не какая-нибудь тайная лукавая цель и не совсем хитро расставленная беглопоповцам сеть. Сумасшедший может согласиться только сказать: «Да, действительно, наконец-то п<атриарх> Тихон убедился в правоте беглопоповства, и поэтому-то он и дал «братский совет» еп<ископу> Тихону познать эту правоту и идти к беглопоповцам под 2-й чин и проклясть п<атриарха> Тихона и всю их церковь, а потом, немного погодя, и сам сделается из никонианского патриарха патриархом беглопоповцев». Я лично думаю, влад<ыко> св<ятыи>, туда ехать нам просто даже позорно, на эту комедию. Все это грязное дело рассыплется у них с треском! А если еп. Тихон перейдет к беглопоповцам хотя только с «братского совета» п<атриарха> Тихона, то что тогда могут говорить об нас и никониане, и беглопоповцы. Они должны будут запечатать свои уста против нас. Где же будет тогда миссионерская травля, что, мол, Амвросий пришел не к Церкви, а к самочинному сборищу, и как тогда они скажут, что у нас без епископа Церковь была 180 лет. А ведь это обвинение их было самым главным против нас.

Мое мнение таково: ехать туда ни мне, ни влад<ыке> Геронтию не нужно, а только необходимо поручить о. Иосифу[2] строго, если можно, негласно, наблюдать за всем ходом этого дела, и чтобы он знал все подробности имеющихся совершиться там событий, как-то: как будет принят Тихон, т.е. каким чином? Будет ли он проклинать Никона, как это у нас делается? Кто его будет принимать и на каких условиях? Поверьте, влад<ыко> св<ятыи>, это будет такой позор и для никониан, и для беглопоповцев, какого еще никогда они не видали. Я уверен, что от всей этой комедии их в «барышах» останемся только мы. Я даже трудно допускаю, что такое дело сбудется, и именно так, как пишет о. Иосиф. В помощь о. Иосифу можно дать Александра Селезнева[3], он ведь там проживает около Вольска. При случае он может дать нужное объяснение. Мне передавали, что Вы будете 29 августа в Устьянове, и хорошо бы нам с Вами повидеться. Успели бы о сем поговорить лично. Теперь ехать-то как? Сколько это стоит? А при том, как бы мне

не остаться одному это время, ибо о. Козьма хочет ехать за хлебом. Итак, вл<адыко> св<ятыи>, поручите о. Иосифу и Селезневу следить и расследовать все это дело и собрать, если можно, весь материал их этой сделки, и тогда переслать его к Вам или ко мне. А ехать, еще раз скажу, не нужно, чтобы мы были чисты от этих грязных дел.

Вот мой личный взгляд на это. Если угодно, я напишу сам о. Иосифу маленькую инструкцию, как он должен следить за этими событиями. Уведомьте. Пишу, тороплюсь, простите. Получили ли Вы мое большое письмо? Прошу мира и архипастырского благослов<ения> и св. молитв.

Многогрешный иерей Димитрий.

10/VIII. 1921.

Примечания:

[1] В письме о. Димитрию Варакину епископ Александр писал: «Мною получено от 30 июля с/г обширное письмо от свящ. Иосифа Куликова, в котором он, между прочим, сообщает следующее: в Вольске было районное собрание беглопоповцев, на котором они обсуждали вопрос о принятии епископа, причем было доложено собранию, что к беглопоповцам согласен присоединиться епископ Тихон Уральский. Собрание единогласно постановило принять его вторым чином. Между прочим, после собрания, уже неофициально почему-то, а в частной беседе, делегат сообщил, что саратовские беглопоповцы посылали депутацию к патриарху Тихону спросить его совета в деле. Патриарх дал «б р а т с к и й с о в е т» (разрядка еп. Александра. – Ред.) еп. Тихону присоединиться к ним. На вопрос св<ященника> Иосифа, нет ли здесь нарушения канонических правил, депутат горячо возражает, доказывая, что патриарх дал не р а з р е ш е н и е присоединиться к старообрядцам, а лишь «братский совет» убедившемуся в старообрядчестве. В г.Вольске по этому случаю предположен быть всероссийский съезд, на котором и намерены совершить это присоединение с торжеством, причем приглашаются и наши старообрядцы, и единоверцы. Съезд предположен на 8 или 14 сентября. <…> Сообщая Вам об этом, я прошу Вас уведомить меня – не найдете ли Вы, честныи отче, возможность принять участие на этом съезде, чтобы, если будет в этом прямая нужда и необходимость, – быть представителем и защитником интересов и духовной пользы для нашей св. Церкви… Я, откровенно сказать, не думаю, чтобы из этого мог быть какой-либо решительный результат, но все же, в виду такого особенного события, которое не может пройти незамеченным среди нашей братии, было бы далеко не бесполезно, если бы при этом были некоторые из наших наиболее опытных полемистов и защитников веры Христовой».

В письме имеется в виду не епископ, а архиепископ Тихон (Иван Иванович Оболенский; 1856–1926). С декабря 1891 года он был настоятелем единоверческого монастыря в Самарской губернии, вел миссионерскую работу против старообрядцев. В 1901 году хиротонисан во епископа Николаевского, викария Самарской епархии. С 1908 года – епископ Уральский и Николаевский. В 1918 году возведен в сан архиепископа. Достоверность сведений о «братском совете», данном патриархом Тихоном архиепископу Тихону, не проверена. Сведения о намерении архиепископа присоединиться к старообрядцам, не признающим Белокриницкой иерархии, нуждаются в отдельном изучении, требуют поиска новых документов. В 1923 году архиепископ Тихон вошел в состав синода при патриархе Тихоне, в 1924 году был возведен в митрополиты (биографические данные – с сайта «Русское православие»: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_551).

[2] о. Иосиф Куликов. См. прим. 2 к письму №1 епископа Михаила (Семенова) епископу Александру.

[3] Александр Акинфович Селезнев – начетчик.

7

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший архипастырь, владыко Александр!

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить. Извещаю, что после Успения о. Козьма уехал за хлебом и, вероятно, проездит до Рож<ества> Б<огороди>цы, а может, и дольше. Я теперь один и почти отдохнуть время не нахожу – все требы и служба (сорокоусты). Как бы надо с Вами повидаться и о многом поговорить, а в письмах всего не перепишешь. О. Иосифу Кулик<ову> я уже написал все, что находил полезным, и просил его насторожиться около беглопоповских дел, и в помощь себе указал ему пригласить Селезнева, но последний уже удрал оттуда. Действительно, жаль, что он так сделал. От влад<ыки> Геронтия я получил письмо, посланное из Нижнего. Он пишет, что от 2 до 26 сентября будет в пределах Костромы. Еще пишет, что свящ<енник> Евфимий Кабанин[1] уклонился в толстовство, а потом и умер (застрелен, но при каких обстоятельствах, не пишет). Диакон Анисим[2] ушел в коммунисты, оставив сан праздным. Каша, наваренная влад<ыкой> Иннокентием, все еще не расхлебана. Ведь это все его питомцы. Плод его виноградника. Бог ему судья!

Еще вл. Геронт<ий> пишет, что о. Константина Базанова[3] постриг в Преображ<енском> монастыре (священноинок Конон), но больше ничего не пишет об нем. Слава Богу, что еп. Кирилл еще жив, а я уж поминал его за упокой. Рукополож<ение> Волкова отложено до результатов относительно И. Кольцова, которому я послал от имени совета предложение. Д<иакон> Сергий просил согласия приехать ему к нам на Успение, но совет, да и я, зная его неустойчивость в характере, ответили ему молчанием. Вероятно, и там он не ладит, и поэтому все ищет. «Слабая-то голова ногам спокою не дает».

Квартирный вопрос пока решил оставить без движения, возложив его на волю Божию. Может быть, как-нибудь протянем зиму-то, а там видно будет, как живы будем. Глубоко опечален я, вл<адыко> св<ятыи>, Вашей болезнью. Да будет же Сам Царь Небесный Вашим врачом и помощником! О. Стефану писал письмо и что-то от него ответа не дождусь. Жив ли он?!

Ах, Лиза, Лиза![4] Какие страдания она переносит Как жизнь ее разбилась! Бедная! Легко сказать, в теперешнее время задавать такие маршруты! Да еще и с

семьей! Помоги им, Господи, все это перенести и дождаться светлых дней! Нам что-то они ничего не пишут. Эту местность, куда они уехали, я знаю, бывал там. Местность людная, степная, за Курган верст 200.

Мы живем, слава Богу, довольны. Хлебушка прихожане собрали нам с о. Козьмой около 16 пуд. Я взял 7 пуд., а 9 ему уступил на семью. А у меня еще прошлогодней 2 пуда есть. Картофель уродился обильный. Несут и везут, а также есть надежда собрать и каши. Слава Богу! Как Вы, вл<адыко> св<ятыи>, питаетесь и как Як<ов> Алекс<еевич> с семьей? Привет им шлю и всего лучшего желаю. Прошу же архипастырского благослов<ения>, прощения и св. молитв о нас, грешных.

Многогрешный и недостойный иерей Димитрий Варакин.

Не знаю, писал ли я Вам, что от еп. Амфилохия получил я письмо – прекратить переписку с Ф. Новозыбковым[5] в целях личной его пользы, о чем он просит меня сообщить и другим.

Свящ. Димитрий

28 августа 1921. (ст<арого> ст<иля>).

Примечания

[1] Служил в селе Золотилове Костромской губ. (в 1912 году его фото опубликовал журнал «Церковь», №24, с. 590). Биографические сведения не выявлены. В 1920 году священник написал доклад (не сохранился), в котором изложил собственное видение задач Церкви и пастырей на современном ему этапе, допустив ряд неточностей и резких выражений, которые, по-видимому, стали причиной его последующего запрещения. О толстовстве о. Евфимия вряд ли можно говорить как о прямом следовании идеям этого писателя. Речь идет скорее о совпадении некоторых его взглядов, выраженных в докладе, с идеями Л.Н. Толстого.

[2] Неустановленное лицо.

[3] о. Константин Базанов был священником в Костромской губернии. Дав согласие быть епископом вдовствующей Саратовско-Астраханской епархии, был пострижен в иноки с наречением имени Конон. Однако его хиротония не состоялась: 29 декабря (старого стиля) того же 1921 года инок Конон скончался.

[4] Племянница епископа Александра. В одном из писем епископ Александр сообщал, что она уехала в Тобольскую губернию.

[5] Ф.Е. Мельников. Родился в городе Новозыбков (ныне – Брянская обл.).

8

Епископу Александру

Это первое письмо, в котором о. Димитрий сообщает о своем желании перевестись из Егорьевска. Его переход в Тверскую общину г. Москвы не состоялся.

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, преосвященнейший владыко Александр!

Сим извещаю, что, посоветовавшись с супругой, я решил изъявить свое согласие на переход в Москву, в Тверскую общину, о чем вместе с сим и послал совету общины тоже извещение, в котором изложил письменно все условия, устраивающие мою жизнь с экономической стороны. Об условиях этих я говорил и лично, нового ничего не прибавил. Если совет общины выполнит их, то пусть обращается к Вашему преосвященству с официальным ходатайством о сем, и таким образом делу будет дан законный ход. Я же, всецело отдавшись промыслу Божию, буду продолжать свое служение пока на своем месте и смиренно ожидать результатов начатого дела и, чем бы оно ни кончилось, я преклоняюсь пред тем.

Да будет же воля Божия и Вашего преосвященства со мною, грешным!..

Прошу архипаст<ырского> благосл<овения>, прощения и св. молитв.

Многорешный иерей Димитрий Варакин.

2/X 1921.

P.S. У о. Козьмы супруга лежит на смертном одре и чудо будет, если она восстанет от одра[1]. Воспаление легких уже третий раз. Жаль его! Сегодня в субботу я ее напутствовал.

Примечание:

[1] Супруга о. Козьмы Губанова Фотинья скончалась на 39-м году жизни от крупозного воспаления легких в тот же день, когда о. Димитрий Варакин написал это письмо.

9

Епископу Александру

20/X 1921 г.

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший владыко Александр!

Письмо Ваше, переданное мне о. Козьмою, я получил 19-го сего октября вечером, на которое и спешу ответить. Мы полагаем, что «мирный акт» ржевских «раздорников»[1] может быть приемлем даже без всяких поправок. Мир церковный дороже всех этих поправок и оговорок, тем более, что последние ничего существенного из себя не представляют. Если бы ржевские и моршанские христиане-раздорствующие примирились по этому акту, то этому можно бы только порадоваться и возблагодарить Господа Бога. Это обстоятельство самым благоприятным «эхом» отозвалось бы и на остальных раздорников. А я особенно бы был польщен, что мой призыв на Соборе к мирянам – действовать в деле примирения независимо от их духовенства, всегда тормозящего дело Христово, – не остался бесплодным. Вы пишете, что приглашаете к 17–20 с<его>/м<есяца> вл.

Геронтия, а также находите, что и мое присутствие было бы хорошо, но, к сожалению, мне к этому времени не представляется возможным приехать. А это последнее еще раз подтверждает, что все-таки мне лучше бы проживать в Москве, хотя бы вот для таких случаев. Я уже не смею мечтать о том, что принес бы много пользы, ибо «немощен есмь аз», но что я чувствовал бы себя около того дела, к какому имею издавна призвание, так это уже положительно верно. А вот и подтверждение сему. Сегодня же я получил из Калуги письмо от имени Духовно-епархиального совета за подписью Тарасова[2], которым я приглашаюсь на несколько дней, или, вернее, на несколько лекций в Калугу. Там устраиваются кратковременные курсы по вопросам борьбы с сектантством и неверием[3], и вот просят меня прочесть несколько лекций на этих курсах по означенным предметам. Из Москвы бы я скорее мог съездить, а отсюда мне и этого сделать не представляется возможным. Все дорогое для меня время я убиваю на требоисправления. Очень редкий день бываю свободен от этого. Или чередная служба, или требы. Так иногда и хочется высказать, когда просят на требу: «Не посла бо мене Господь крестити, но благовестити». Нужно еще много читать, а все некогда. Получили ли Вы мое письмо, посланное Вам по приезде из Москвы, и не слыхали ли что с Тверской? Очень жаль, что Вы все прихварываете. Ваше здоровье очень дорого для Церкви Христовой и для нас, низших служителей. Сырость прекратится, и, думаю, Вам лучше будет. Прошу прощ<ения>, благослов<ения> и св. молитв.

Грешный иерей Димитрий Варакин.

Как мы и полагали, беглопоповцы не сумели сделать своего дела с Тихоном. Я получил письмо от о. Иосифа Куликова. Очевидно, вопрос этот похоронен. Пыл их остыл.

Примечания:

[1] Речь идет о предполагавшемся примирении противоокружников Ржева с Московской архиепископией.

[2] П.С. Тарасов до революции - калужский купец, член совета местной старообрядческой общины. В начале 1920-х гг. был председателем комиссии, занимавшейся вопросами объединения калужского единоверческого и старообрядческого приходов в один, который находился бы под омофором Московской старообрядческой архиепископии.

[3] Об этих курсах достаточных сведений нет. В 1923 году калужский священник Маркел Кузнецов пытался организовать в городе старообрядческое братство Святителя Николы (по примеру братства св. исповедника и священномученика Аввакума в Петрограде). Однако оно было запрещено властями.

Епископу Александру

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше преосвященство, боголюбивейший владыко Александр!

Письмо Ваше получил и очень сожалею, что здоровье Ваше все еще продолжает хромать. Мы, грешные, всегда возносим ко Всевышнему молитвы о Вашем здравии, а также и на Божественной проскомидии. О кончине о. Варфоломея[1] я слышал раньше. Вечная память и Царствие Небесное ему! Меня удивило то, что на его место переводится о. Даниил, какой это, из Корнева[2]? Если да, то явление это для меня кажется странным потому, что его приглашали сюда и он отказался: «Оставлять свой приход без уважительных причин считаю грехом», - пишет нам, а как в Москву, так, должно быть, и греха нет оставить свой приход… Кстати, мы до сих пор не имеем второго свящ<енника>. Ф.И. Леж<нев>[3], вероятно, писал Вам и о том, что прихожане мною недовольны, что я препятствую этому. Если это так, то мне остается только сказать: «Блажени есте, егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще». С момента ухода Губанова[4] я первым долгом заявил совету, чтобы подыскали второго священника, и не раз это повторял. Здесь такой народ – никогда не будут хвалить, а все ругают. До сих пор и покойных о. Ипатия[5] и о. Петра[6] еще ругают и сами не знают, за что. Бог да простит им, «неведят бо, что творят».

На 1-й неделе у меня причастников было с лишком 200 человек, и на 2-й – 65 человек. Прошлый год на 1-й неделе было 270 челов<ек>, а на 2-й 38 челов<ек>, в общем ныне на 30 челов<ек> меньше за две недели. Совет наш объясняет это тем, что некоторые не желают якобы меня иметь дух<овным> отц<ом>. Конечно, я этого не проверял, и это очень возможно, нет ничего удивительного – это дело совести, но я очень уверен в том, что меньше говельщиков было не по этой причине, а по причине того, что работающих на фабриках никак не отпускают говеть, о чем мне многие прихожане говорили, и даже сами эти рабочие и работницы выражали свою горечь об этом. Вот это-то обстоятельство совет и упустил из виду при своем заключении. Но на это я внимания не обращаю. Никому не запретишь думать, что хотят.

На общем собрании, бывшем в прошлое воскресенье, между прочим, было постановлено ознаменовать чем-нибудь память покойного Н.Д.З., и решено устроить в память его чтение. Выполнить эту задачу, разумеется, кроме меня, грешного, людей не нашлось. И вот с помощью Божиею, несмотря на то что я почти не сижу на месте ни будни, ни праздник, эту задачу выполнил во 2-е воскресенье. Чтение нужно признать весьма удачным, народу было более 200 человек. Читал я, собственно, не читал, а говорил на тему «История древлеправославной

старообр<ядческой> Христовой Церкви». По окончании все почти в один голос громко благодарили меня.

Начал я свою лекцию с Никона и кончил последними примирениями неокружников. Я получил из Минусинска сведения, что и там недавно примирилось несколько приходов неокруж<ников>. Это весьма отрадно! Затем недавно получил сведения из Томска, что еп. Тих<он> объезжает епархию, а вл. Амф<илохий> Журав<лев> и о. Дан<иил> Сувор<ов>[7] все лето были под стражей, а в начале ноября их увезли будто бы в Москву, где и находятся до сих пор[8]. Может, на Бутырках. Нельзя бы это как-то узнать?

На 1-й неделе св. поста ко мне приезжали из Симбирской губ. муж с женой, беспоповцы, и просили их присоединить. Я их присоединил довершением крещения, и они говели и были у меня на исповеди. Я все время вел с ними переписку, и вот они, убедившись в правоте нашей иерархии, решили ехать ко мне только затем, чтобы я их исправил. В их местности все почти общество стоит на нашей стороне, и даже сам наставник, и с ним я веду переписку. Но вот, влад<ыко> св<ятыи>, как теперь быть? Ведь их нужно было повенчать, а в пост венчать нельзя, а между тем они со слезами просили причастить их св. Таин, и я не устоял пред их слезами – причастил, но только с условием, чтобы они со времени довершения крещения и до Фоминой недели воздержались бы от супружеских сношений, т.е. вменил им в обязанность повенчаться у ближайшего священника на Фоминой нед<еле>, и они мне дали это обещание. Правда, они люди пожилые, им с лишком по 50. Посмотрел правила и нигде не нашел ясного определения, как тут поступить? Если я, влад<ыко> св<ятыи>, погрешил здесь в чем, то прости меня Христа ради. Они все-таки в своем-то обществе венчаны молебном.

Во второе воскресенье был у нас указанный Вами кандидат из Юрятина Феодор Харламов[9], читал Пролог и Апостол, понравился чтением, но на вид очень молод показался. Но это ничего, а вот дело в чем: он был на войне 3 ½ года, и был в сражениях и перестрелках с неприятелем, т.е. просто, может быть, был «невольным убийцей». Ведь как нельзя доказать, что, стреляя, он убил, так нельзя доказать, что и не убил, но стрелял в войска неприятеля и был в наступлениях, о чем он мне говорил сам (см. 5 пр<авило> Григория Нисск<ого>[10]).

Молимся весь пост, и это я настоял, а совет хотел только 3 нед<ели>. Я 1-ю, 4-ю и 7-ю обязался служить сполна, а остальные нед<ели> день-два в неделю, но обязательно каждую неделю 1 преждеосвященную литургию. Но все-таки почти каждый день, хотя к часам с вечерней – прихожу, а то все по требам.

Простите меня, вл<адыко> св<ятыи>, и благословите, и помолитесь о мне грешнем. Желаю Вам от души здравия и спасения. Влад<ыке> архиеписк<опу>

Мелетию земной поклон, и прошу и его святительского благословения. Собираюсь и ему написать, но все некогда.

Ваш нижайший покорный слуга недостойный иерей Димитрий Варакин.

20/II ст. ст. 1923.

Примечания:

[1] о. Варфоломей Филиппович Шиголин – один из старейших московских старообрядческих священников. Родился в 1856 или 1857 году в семье крестьян деревни Белива Богородского уезда Московской губернии. Рукоположен 12 октября 1884 года архиепископом Саватием к Покровскому храму г. Вереи, 25 января 1890 года был переведен в Москву к храму-моленной И.И. Шибаева. 10 января 1916 года возведен в протоиереи. Скончался 19 января (по старому стилю) 1923 года от рака пищевода. 38 дней до смерти не мог самостоятельно есть и был вынужден питаться искусственно. По отзыву архиепископа Мелетия, «то был самый добрейший священник».

[2] о. Димитрий Варакин имел в виду о. Даниила Березина. Он родился в 1886 году, в 1914-м был рукоположен в диакона, в 1920-м – во священника. В 1924-м продолжал служить в Корневе.

[3] Председатель егорьевской старообрядческой общины после смерти Н.Д. Зенина.

[4] о. Козьма Губанов после смерти жены сложил с себя сан.

[5] о. Ипатий Трофимов, егорьевский священник, умерший в 1919 году.

[6] Биографические сведения не выявлены.

[7] О. Даниил Иосифович Суворов родился в 1885 году в селе Карасье Ишимского уезда Тобольской губернии. В сан священника рукоположен в 1911 году. Служил в Новониколаевске (Новосибирске), Барнауле. Редактировал журнал «Сибирский старообрядец». В 1922 году за организацию печати антибольшевистских листовок в Ново-Архангельском скиту приговорен вместе с епископом Амфилохием (Журавлевым) к расстрелу, но эту меру наказания впоследствии заменили на 5 лет заключения. Срок отбыл. С 1926 по 1932 год жил в Томске. С 1932 года перешел на нелегальное положение. В 1933-м осужден на 10 лет лагерей. Проходил по одному делу с епископом Тихоном Томским. Умер 9 декабря (как следует понимать, того же 1933 года) в Свободлаге.

[8] Епископ Амфилохий и о. Даниил Суворов находились в Таганской тюрьме и, кроме нее, по сведениям исследовательницы Людмилы Приль (Томск), в Бутырской и Лубянской тюрьмах.

[9] Биографические сведения не выявлены.

[10] Имеется в виду, скорее всего, не пятое, а четвертое правило св. Григория Нисского, где говорится о вольном и невольном убийстве. «Неволею же убийство сотворив, причетник убо отвержен будет благодати, рекше святыя службы лишен будет».

11

Епископу Александру

Господи сил, с нами буди!

Ваше преосвященство, владыко святыи Александр!

Несмотря на то, что очень занят службою и требами, все же решился писать Вам. Вы прислали к нам о. Еразма[1] как заместителя 2-го священника «в виду

затруднений общины по приисканию 2-го священника». Правда, Вы прислали его условно – «если будут ваши (т.е. прихода) симпатии на его стороне». Он приехал, заявился прямо к «Зениной», может быть, это случилось по его неведению, и потом она его направила не ко мне, как это следовало бы, а к И.П. Мануйлову, и потом уже они вдвоем пришли ко мне на «квартиру» – квартиру пишу в кавычках, ибо это не квартира, а 2 комнаты, разгороженные от квартиры тонким тесом, и при том наполненной почти всегда, и днем и ночью, махоркой. Несмотря на это, наше общество называет это мое жилье квартирой. Но нас двое; с тяжким трудом и, как говорит мне совет общины, с крайней необходимостью, надо мириться. Но что они (т.е. члены совета) думают, желая пригласить к себе о. Еразма, имеющего семью в 8 человек? Он служил у нас одну службу, и ему дали 100 рублей (ден<ежные> зн<аки> 1923 г.), а я за свой патент заплатил 75 р. своих – когда все прочие приходы эти деньги внесли из церковно-общественной кассы. Но это все не беда, это к слову. Я имею письмо от Масленникова Ф.И.[2], полученное мною еще до Рождества Христова, в котором он сообщает мне, что о. Еразм ему и семье его сделал «большую неприятность», вследствие чего он лично и передовые лица их рязанского прихода просят меня «быть им духовным отцом», т.е. просто сказать – к ним на приход. В чем же тут дело? Из Рязани о. Еразма удаляют, а у нас его принимают? После этого Ваша рекомендация мне непонятна. «Неприятность» о. Еразма с Масленниковым мне давно известна еще до получения мною от Масленникова письма…

Как же это наши-то попечители, несмотря ни на что, «вцепились» в него и тратят церковно-общественные суммы на исследование этого дела, чтобы скорее его водворить у себя? Да и сам о. Еразм во время службы сказал мне, что «вот тебе бы в Рязани жить хорошо было бы, приход хороший и состоятельный, и лучше тебе и искать нечего» (как будто я ищу). Из этих слов видно, что у него есть какая-то задняя мысль, как я его понял: ему поступить в Егорьевск, а меня проводить в Рязань. И потом сказал, что ко мне скоро будет депутация из Рязани. Хотя этой депутации еще не было, но один застрельщик был.

Владыко святыи! В Рязань я не пойду, но если о. Еразм будет переведен в Егорьевск, именно о. Еразм, то я буду искать выхода из Егорьевска, несмотря ни на что, т.е. хотя бы пришлось идти на маленький приход. Другой священник необходим – это верно, но взять человека с прихода, на котором он служил 12 лет и уходит из него без объяснения причин, а наши хотят его взять, да и только, – это по меньшей мере неосмотрительно. Правда, Вы как архипастырь, его рекомендуете, но эта Ваша рекомендация мне понятна как человеку, бывшему около Вас несколько лет и работавшему вместе с Вами. Эта рекомендация: «о. Евдоким с Остоженки», человек хороший, а приходу не нужен… Может быть, под такую рекомендацию

подпаду и я, но я не боюсь этого, мне лишь только бы служить на пользу св. Церкви Христовой, а где и как – для меня безразлично. Не могу упустить из вида и того обстоятельства, что о. Еразм – протоиерей, хотя возведенный еще в раздоре, но и на этой почве могут возникнуть недоразумения. Одним словом, с именем о. Еразма связано много вопросов, которые решить трудно. Если общество наше во что бы то ни стало достигнет того, что о. Еразм будет в Егорьевске, то нужно мне уходить. Как мне хотелось о. Феодора Грунина, но он, посмотрев на нашу церковно-общественную обстановку, ушел от нас…

Простите меня Христа ради, влад<ыко> св<ятыи>, я пишу, тороплюсь, может быть, некоторые мысли и не совсем для Вас будут понятны, но думаю, что Вы поймете меня.

Без Вашего определения, т.е. форменного документа, о. Еразм к служению в нашем св. храме мною допущен быть не может. Только Ваша грамота служит для меня законом!

Прошу Вашего архипастырского прощ<ения> и благословения, и св. молитв. Желаю от всей души Вам здравия и долгоденствия на благо св. Церкви.

Многогрешный и недостойный иерей Димитрий Варакин

13/ III с.с. 1923 г.

Примечания

[1] о. Еразм Иванович Пчелин родился в 1882 году в деревне Остров (по советскому административно-территориальному делению – Орехово-Зуевский район Московской области). Служил в Рязани, потом был переведен на место о. Димитрия Варакина в Егорьевск. Затем служил в селе Губино Московской области. 28 октября 1937 года был арестован и 15 ноября тройкой при УНКВД по Московской области приговорен к расстрелу. Обвинялся в «активной контрреволюционной деятельности и высказывании террористических намерений по адресу руководителей советского государства». Расстрелян 19 ноября 1937 года и похоронен на Бутовском полигоне. (По данным сайта историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»»)

[2] Федот Игнатьевич Масленников – старообрядец из Рязани, член совета местной общины, до революции – крупный купец и лесопромышленник. Родился в крестьянской семье старообрядцев-противоокружников в селе Деево. Казначей Союза старообрядческих начетчиков. В 1911 году выступил в защиту епископа Михаила (Семенова) и права мирян на участие в работе Освященных соборов с «Открытым письмом Ивану Ивановичу Новикову». Брошюра была выпущена как отдельное бесплатное приложение к журналу «Старообрядческая мысль». Построил старообрядческий храм на Скорбященском кладбище в Рязани. Впоследствии, когда о. Димитрий Варакин будет переведен в Рязань, Федот Масленников станет открытым противником священника. См. последующие письма (№№24, 25, 28, 29).

Архиепископу Мелетию

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше высокопреосвященство, архиепископ кир Мелетий!

В субботу, 3 февр<аля> ст<арого> ст<иля>, я возвратился из поездки в Симбирск<ую> губ. благополучно за Ваши архипастырск<ие> св. молитвы. С чувством глубокого благодарения к Господу Богу извещаю Вас, что мои труды хотя были и тяжелы, но по своим результатам, надо признать, что они вполне оправдались. По милости Божией я присоединил там 55 человек беспоповцев к нашей св. Христовой Церкви. Бой длился четверо суток и был перекрестный. На меня, или, вернее, на св. Церковь, ополчились два врага: один Спасова согласия и другой странник, или подпольник. Лаяли на св. Истину, «аки пси». А я вооружился силою слова Божия и христианским смирением и кротостию и победил их. Все слушатели, даже никониане, диву дались: «Как у него это хватает терпения переносить такую брань?» – говорили все. Даже те беспоповцы, которые все-таки еще остались враждебными к нам, и то сильно повесили головы и стали мягче. Хорошо теперь туда послать о. Алексея Старкова[1], и я ему уже писал, и вновь присоединенные тоже ему хотят писать и просить его прибыть к ним в Велик<ий> пост и совершить недоконченное. Очень можно быть уверенным, что там беспоповцами останутся только разве единицы. Я бы, может быть, присоединил и больше, если бы побыть там, но я уже торопился уезжать. Целых двое суток присоединял. Приходили ко мне по 1-му, по 2, по 3, 5, 6, 7 и 10 человек группами. Приходили со слезами и просили их впустить в ограду св. Церкви. Присоединение было искреннее. Слава Богу!

Теперь, вл<адыко> св<ятыи>, сообщаю еще, что Петр Бычкин, которому Вы отказали вступить в 3-й брак, женился и повенчался, как я слышал, в Москве, в Лефортовом переул<ке> у раздорника о. Иоанна Селезнева[2]. Это мне говорили его сваты. А некоторые говорят, что они венчались «кругом Москвы». Но если даже и повенчал их Селезнев, то как, вл<адыко> св<ятыи>, теперь мне на это реагировать? Ведь все равно брак беззаконный, раз нет канонического основания, да еще и совершен на подрыв веры нечистыми руками. Как мне с ними поступить, если они будут посещать храм, и нужно ли мне-то с христианскими требами входить к ним в дом, как то: с праздником, служить молебны, всенощные на дому и проч.? И как поступить с их родственниками, духовными моими детьми, которые участвовали на этой беззаконной свадьбе, пили, гуляли и поздравляли с законным браком? Ради Бога, благоволите меня вразумить и научить! А я, грешный, думаю еще, не о. Карабинович[3] ли состряпал это дело, хотя на него не указывают.

Владыко св<ятыи>! У меня очень мало св. мира, не будет ли у Вас кто отсюда, нельзя ли будет прислать? А если кто поедет, то, конечно, я не забуду наказать, но, может быть, кто-нибудь будет прежде.

Итако, прошу Вашего архипастыр<ского> прощения, благословения и св. молитв.

Многогрешный и недостойный иерей Димитрий Варакин

5/II ст. ст. 1924 г.

г. Егорьевск.

P.S. Влад<ыко> св<ятыи>! Я слышал, что Вы теперь живете в д. Новиковых, прошу Вас, укажите Ваш прямой адрес, если можно.

Иерей Димитрий

Примечания:

[1] Один из старейших и авторитетных старообрядческих священников, публицист. Автор книг: «Возмущение среди старообрядцев», «Обращение старообрядческого протоиерея Алексея Старкова к попечителям беглопоповского храма при деревне Кавериной…», «Предложение о беседах беглопоповским попечителям при деревне Кавериной Рязанского уезда…», «Ответ на миссионерскую клевету». Принял иночество с именем Аввакум. О. Алексей Старков был прислан в Большие Березняки. Местные старообрядцы впоследствии писали архиепископу Мелетию: «Когда был у нас о. Дмитрий Серг<еевич> Варакин, тогда присоединялось не особо много, а большинство осталось сочувствующие, а когда приехал протоиерей о. Алексей Старков, при нем уже присоединилось большинство и все оставшиеся сочувствующие за исключением двоих воздержавшихся». О. Алексей Старков служил в Березняках временно и нерегулярно. В 1928 году он уехал в Уфу. В Большие Березники, где уже организовался приход, был определен в том же 1928 году о. Иоанн Прошин из Бугуруслана, в прошлом тоже беспоповец.

[2] Биографические сведения не выявлены.

[3] о. Григорий Максимович Карабинович (1860–1942) служил в старообрядческом храме на Остоженке. Родился в местечке Худяки Черкасского уезда Киевской губернии. Принадлежал к господствующей церкви. 20 мая 1884 года рукоположен епископом Виталием Чигиринским по поручению митрополита Платона Киевского к соборному храму г. Таранца Киевской губернии. Впоследствии присоединился к старообрядцам-поповцам, не признающим Белокриницкой иерархии, а затем перешел под омофор Московской архиепископии. Издавал журнал «Старообрядческий пастырь», в котором нападал на епископа Михаила (Семенова).

13

Архиепископу Мелетию

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше высокопреосвященство, архиепископ кир Мелетий!

Ваше архипастырское благоволение и святительские молитвы о мне, грешнем, преисполнили мою душу чувством глубокой к Вам благодарности. Да послужит сие лучшей наградой за понесенные труды! Вы желаете знать, в какой местности совершилось присоединение? Отвечаю (это и почтовый адрес): село Большие Березники Симбирск<ой> губ., Корсунского уезда.

Влад<ыко> св<ятыи>! Очень бы было полезно и чрезвычайно приятно для новообращенных, если бы Вы не поставили себе в труд обратиться к ним с Вашим архипастырским приветствием и назиданием. Вы бы еще более этим их приободрили! Они дорого бы оценили это Ваше приветствие. Зная этих людей, я смело уверяю Ваше высокопреосвященство, что для них Ваш привет был бы поистине «Пасха Красная».

Приветствие можно адресовать на имя Феодора Ивановича Пауткина[1] с его единомысленною братиею. Этого человека там знают так же, как мы знаем в Москве Вас. Я, кажется, уже сообщал Вам, что я писал о. Алексею Старкову о том, что новообращенные имеют в виду его попросить в Велик<ий> пост. Думаю, что они это сделают. Хорошо бы, если бы и Вы им посоветовали это сделать. Необходимо об них позаботиться, а то жаль, если они остынут. Необходимо помнить, что там еще остались и враги этого доброго дела… Но, надеясь на Промысел Божий, я все-таки не опасаюсь охлаждения.

Относительно Бычкиных я исполню согласно Вашего указания[2]. Теперь с полною уверенностью можно сказать, что венчал этот беззаконный брак о. Иван Селезнев – раздорник.

Влад<ыко> св<ятыи>! Ах! Как я знаю этого Селезнева! Только он и может быть способным на такое деяние!.. Но Бог ему судья!.. Зачем тогда вилять языком о мире и потом нагло изменять свой вид. Нагляделся я на него досыта и давно-давно его знаю.

Я получил письмо от о. Иосифа Куликова из Вольска; он пишет о присоединении к беглопоповцам архиеп<ископа> Николая Саратовского[3]. Много интересного сообщает. Знаете ли об этом Вы и вл. Александр? Об этом нужно бы посудить… Получил еще письмо из Городца, где уже был этот Николай, и сообщают о большом разочаровании[4]. Вообще, за последнее время меня, грешного, осаждают письмами с разными вопросами и запросами. Прямо теряюсь. Нет времени всем отвечать. Да и мороки нужно много. Хорошо бы на ответ прилагали марку. Конечно, это к Вам не относится. Жаль, влад<ыко> св<ятыи>, мне прежнего моего положения, когда я трудился на проповеди слова Божия к немощным в вере братиям. Ведь это было мое наслаждение! А теперь, хотя я, недостойный, занимаю и высокий пост, но он чрезвычайно для меня тяжел. А тут еще налоги большие, приходские дрязги и вся прочая дребедень, которая совершенно непродуктивно истачивает мои силы. Не знаю, что и делать!.. Только одно утешение – это глубокая вера в Промысел Божий и надежда на Ваши архипастырские молитвы, которых и прошу в глубоком смирении и полном сознании своего недостоинства.

Простите и благословите, влад<ыко> св<ятыи>, меня, грешного.

Глубоко чтущий Вас иерей Димитрий Варакин

14/II ст. ст. <1924 г.>

Примечания:

[1] Старообрядец Больших Березняков, впоследствии участвовал в хлопотах по организации в селе самостоятельного прихода, увенчавшихся успехом.

[2] Архиепископ Мелетий предписывал объявить, что не находит канонических оснований для вступления П.Ф. Бычкина в третий брак.

[3] Архиепископ Никола (Позднев) был хиротонисан в сан епископа 11 июля 1921 года епископами господствующей церкви. В конце июля 1922 года признал обновленческое ВЦУ (Высшее церковное управление), однако участие его в обновленческом движении было кратким и достаточно формальным, без какой-либо активной позиции. 28 сентября 1922 года возведен во архиепископа на Саратовскую кафедру. Разочаровавшись в обновленчестве, присоединился к Русской Древлеправославной церкви (старообрядцев-поповцев, не приемлющих Белокриницкой иерархии) 22 октября (4 ноября) 1923 года. Подробнее см. «В поисках истины» (М., 2006. – 72 с.). Брошюра подготовлена миссионерским отделом РДЦ.

[4] Часть прихожан Городца отказалась признать архиепископа Николу.

14

Архиепископу Мелетию

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше высокопреосвященство, архиепископ кир Мелетий!

Письмо Ваше получил, в котором Вы предлагаете мне возвратиться к прежним своим обязанностям. Прежде всего, считаю своим долгом сказать Вам на это: спаси Вас Христос за выраженное этим приглашением ко мне доверие. Цель Ваша благая и полезная, и я готов бы, чем могу, прийти на помощь Вашему высокопреосвященству, а наипаче послужить на прежнем своем поприще на пользу Церкви Христовой, но необходимо сделать некоторые и существенные оговорки. Позвольте мне, вл<адыко> св<ятыи>, быть совершенно с Вами откровенным в настоящем письме, и пусть это откровение останется между нами.

В Москву меня не тянет. Я никак не могу забыть тех дней, в которые я был совершенно забыт Москвою, несмотря на то что некоторые столпы старообрядчества распрекрасно проживали все тяжелое московское время. Я, брошенный на произвол судьбы, столько перестрадал и перенес невзгод, что и сейчас, когда мне во сне приснится эта жизнь, я испытываю ужасные страдания. Москва мне теперь представляется не матерью, какою была, а мачехой. Разве мне хотелось уезжать оттуда? Но меня не согрели, и я был вынужден покинуть Москву, проливши потоки слез вместе с супругой. Благодарение Господу Богу, эти пролитые слезы теперь обсохли, раны немного затянулись, а теперь опять их

нужно разбередить. Тяжело, ох как тяжело Вам отвечать на это приглашение! После того отъезда из Москвы в Егорьевск мне приходилось несколько раз быть в Москве и всегда я не чаял, как бы скорее оттуда уехать. Но, разумеется, если Богу будет угодно, то я готов подчиниться Его Промыслу и исполнить Ваше пожелание и предложение. Но есть другие, не менее существенные оговорки. Несомненно, Вы, предлагая мне быть Вашим секретарем, собеседником и в то же время быть приходским священником, думали и думаете извлечь тройную пользу. Но это едва ли осуществимо. Прошлое мое положение на должности секретаря и начетчика порождало немало нежелательных явлений. Помню, как-то однажды меня командировали на беседы в Сибирь, и я проездил 3 недели, так влад<ыка> Александр высказал, что это для службы по канцелярии неудобно. Сознавал это и я. А теперь может случиться худшее. Представьте себе, меня вызовут на беседы в ту же Сибирь, и придется проездить те же 3 недели, и пусть даже 2 недели. Понравится ли это Вам, что у Вас есть секретарь, а работать все-таки часто придется Вам самим? Это первое. А приход как будет на это смотреть? Скажут: имеем священника, а служить в храме часто некому, молиться будут без священника. Так я и полагаю, что это будет никак несовместимо. Отсюда я езжу на беседы и все-таки имею возможность оставить за себя священника. А там кого я буду оставлять? Очень возможно, что остоженцы на это и не согласятся, тем более если дадут мне квартиру. Да и зачем Вам собеседник, когда у Вас в Москве есть таковой в лице А.А. Селезнева. Кроме того, я не знаю тех условий материальных, какими я буду обеспечен. От остоженского прихода, как мне известно, ждать нечего; там в воскресные дни в храме я видел только 12 человек молящихся вместе с певцами. Значит, вся тяжесть материального обеспечения должна лечь на кого-то другого. А по теперешним условиям жизни на это потребуется сумма довольно солидная. Кроме этого, работать я буду у Вас, а жить на Остоженке. Что же, пешком буду ходить каждый день туда и обратно? Но это немыслимо. Ездить на трамвае – на это потребуется расход, который опять-таки кто-то мне должен оплатить. Московская жизнь мне известна и по современным условиям. Если я здесь, на большом приходе, еле влачу существование, оплачивая сам и квартиру и топливо, и освещение, и воду, и налоги, то что же я увижу в Москве? Обо всем этом необходимо подумать и посудить. Наконец, переезд сколько будет стоить и расходу и трудов, откуда все это я возьму? Вот мне нужно бы к Вам лично съездить, а на дорогу лишних денег не имею. Егорьевский приход был славен Бреховым[1], который один содержал весь церковный клир и храм. А теперь Брехова нет, а народ, набалованный бреховскими подачками, положительно лениво относится к нуждам храма и церковного клира, а тут еще хотят другого священника искать. Если попадет семейный, то ни за что не прожить, и он сам убежит отсюда.

Итак, влад<ыко> св<ятыи>, я высказал, что мог, а теперь прошу Вас все это обсудить и взвесить. С этим предпринятым Вами намерением нужно действовать весьма осторожно.

Прошу Вашего архип<астырского> мира и благословения, и св. молитв.

Многогрешный иерей Димитрий Варакин

12/III ст. ст. 1924 г.

P.S. Из Рязани у меня пока был два раза о. Алексей, а депутатов не было, да я и не жду. Мне пока и здесь жить можно. Однако за будущее не ручаюсь.

Иерей Димитрий

Примечание:

[1] Петр Григорьевич Брехов – егорьевский купец, первый председатель совета егорьевской старообрядческой общины, зарегистрированной в 1907 году. По его инициативе был обновлен и расширен Георгиевский храм, построена колокольня. На средства П.Г. Брехова был отлит колокол весом в 500 пудов, сделан резной золоченый иконостас. Скончался 2 февраля 1914 года.

19

Архиепископу Мелетию

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнейший

владыко кир Мелетий!

Сим считаю своим долгом донести Вашему высокопреосвященству, что во исполнение просьбы древлеправославных христиан г. Рязани и с благословения Вго вва я шестого сего июня прибыл из Егорьевска в Рязань к месту нового своего служения и приношу как Вам, так и его преосвященству владыке Александру мою глубокую благодарность. Здесь я был принят весьма радушно, и, как видно, все страсти, разгоревшиеся вокруг о. Еразма, с моим прибытием в приход улеглись. Все смолкли. Благодарение Господу! Я же с своей стороны, как и должно быть, потщусь быть им пастырем по сердцу. Надеюсь, что тех лживых сплетен и слухов, какие сплетались егорьевцами (конечно, некоторыми) отсюда не будет. Да простит им Господь Бог вольные и невольные прегрешения! Огромное количество членов общего собрания, бывшего в Егорьевске в Вознесение по поводу моего ухода, стояло за то, чтобы просить меня не уезжать, а служить у них. Как мне передавали, за то, чтобы меня не удерживать стояло только 1015 человек, а за меня было в шесть-семь раз больше этого. Сам я был в этот день в Рязани, оставив на этот праздник вместо себя другого священника в Егорьевске. И когда приехал я из Рязани в Троицу, после литургии весь народ остался в храме просить меня, но наш егорьевский бритый совет, пока я убирался в олтаре, постарались уговорить людей

не просить меня, ибо это-де бесполезно, потому что, мол, он все равно не останется, так, мол, не стоит и поднимать этот вопрос. Тут вышел бы целый скандал, если бы мне тут же выйти из олтаря и подойти к ним, но я боялся омрачить день Сошествия Св. Духа этим скандалом и потому задержался в олтаре, пока народ, уговоренный членами совета, не вышел из храма. Конечно, я все-таки мог бы остаться, если бы мне обещали устроить сносное жилище. После Духова дня ко мне на квартиру приходили многие мои духовные дети, видные прихожане и убеждали меня остаться, обещаясь около храма выстроить домик для жилья, но, пока остается этот совет, я категорически отказался от всяких компромиссов. Они мне говорили, что совет этот больше избран не будет, но и это не легче, ибо тогда в Егорьевске избирать будет и вовсе некого. Я и решил: пусть лучше я уйду, а совет, хотя и бритый, но пусть останется, потому что все-таки он что-то делал. Оскудел Егорьевск деятелями со смертью покойного Н.Д. Зенина, как будто все благосостояние прихода он унес с собой в могилу*. Если бы был Н.Д., то епископ Геронтий в тюрьме не сидел бы[1], да и мне не грозили бы этим. Но довольно!

Прошу, владыко святыи, Ваших святительских молитв, прощения и благословения архипастырского.

Влад святыи!

Может быть, напишете мне формальное определение в г. Рязань к храму св. пророка Илии. Это уже Ваша воля, а все-таки это было бы лучше. Не знаю, приехал ли влад Александр. Если да, то потрудитесь ему передать мой земной поклон. Он ведь сам меня благословил письменно по делам обращаться к Вам.

Многогрешный и недостойный иерей Димитрий

17/30 июня 1924.

***Председатель егорьевского совета общины мне лично в присутствии своего родного дяди заявил, что егорьевский приход трещит.**

[1] **Обстоятельства ареста владыки, сроки заключения не ясны. Епископ Геронтий был выпущен из тюрьмы 5 июля (старого стиля) 1923 года. Освободившись, он уехал во Ржев, а оттуда в Петроград**.